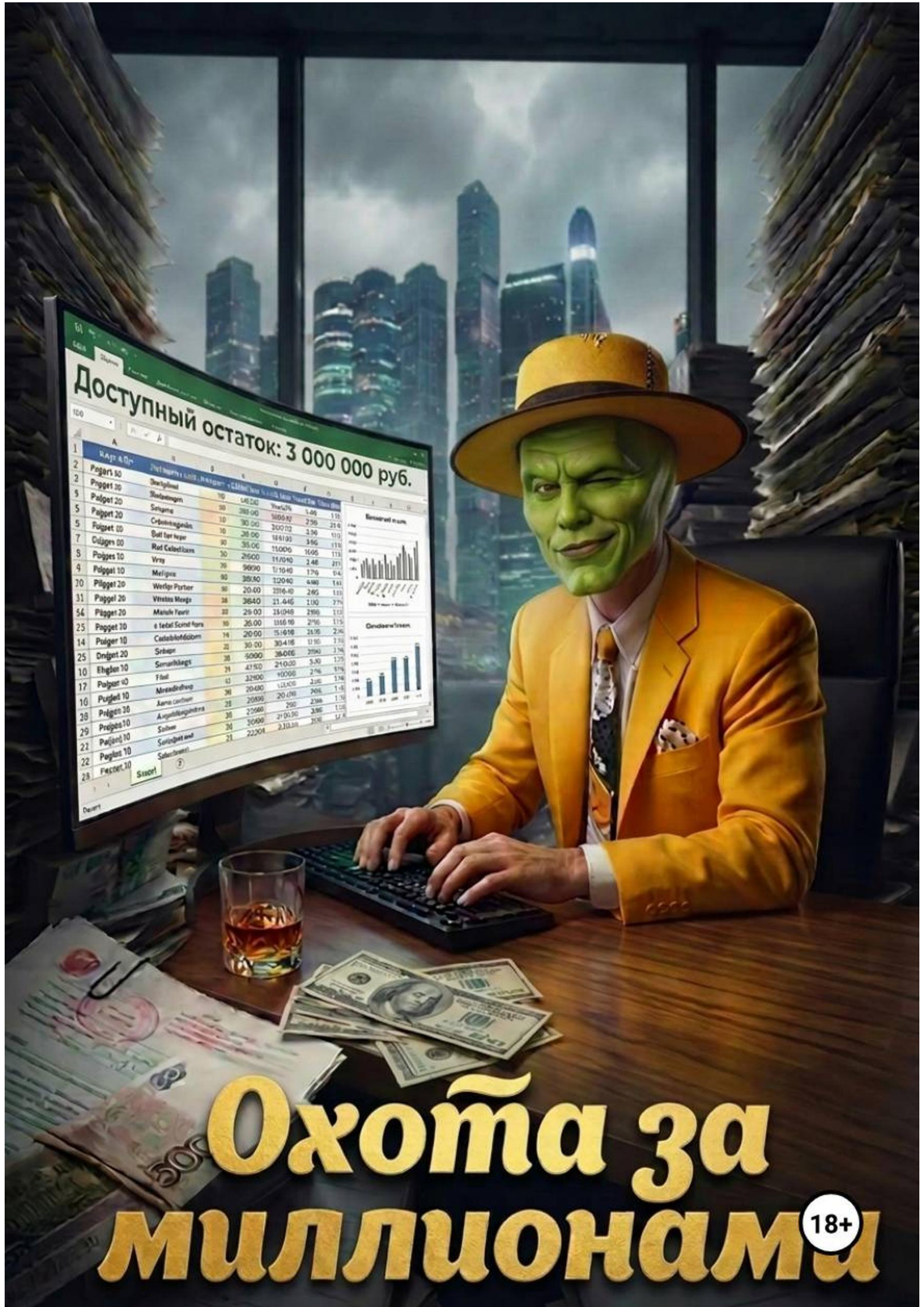

Охота за миллионами

18+

Олег Куракин

Охота за миллионами.

«Автор»

2026

Куракин О.

Охота за миллионами. / О. Куракин — «Автор», 2026

2013 год. Герой обычный менеджер: КП, план продаж, зарплата в 30 тысяч, премиальные, стабильность, уверенность что всё под контролем. Но в эту размеренную жизнь врывается старый друг Роман — человек, для которого риск — не угроза, а топливо. Его идея звучит как авантюра и манит азартом и обещанием больших денег. Герой соглашается — не столько ради денег, сколько чтобы проверить себя: хватит ли смелости выйти за пределы привычной рутины. Вместе с Романом и погружается в лихорадочную «охоту» за деньгами: бесконечные визиты в банки, выписки по счетам, переводы, снятие наличности. Схема работает: на счёту — миллионы, в целлофановых пакетах — тяжёлые пачки купюр. Это история о том, как быстро стирается грань между смелым расчётом и опасным шагом, и о цене первого большого куша, который дает свободу. Герой на распутье: назад дороги нет, но он готов идти дальше — даже если не знает, куда. Схемы засасывают. Все новые и новые подходы и комбинации. И как в любой игре есть поражения и победы.

© Куракин О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

2013-й год.	5
Провоторов.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Олег Куракин

Охота за миллионами.

2013-й год.

На экране жирными цифрами горели три миллиона. Я потянулся к клавиатуре, привычно щёлкнул по нужной кнопке — и мир схлопнулся до единственного сухого уведомления: «Доступ к операциям по счёту ограничен». Внутри всё оборвалось, в висках стучало. Кресло с грохотом откатилось назад, пальцы сами бегали по клавишам, будто ещё один клик — и сработает чит-код, который перепишет реальность по моим правилам. Не сработало. Экран холодно мерцал. Три миллиона на нём теперь выглядели как ошибка — как цифра, которую кто-то уже стёр, просто я ещё не успел этого заметить.

— Вот же козёл, — выдавил я, сжимая зубы. — Он нам доступ к счёту ограничил. И теперь, походу, собирается снять их по корпоративной карте.

В офисе повисла тишина, такая плотная, что даже гул города за окном стал казаться далёким. Остались только наши голоса в трубке да равнодушный экран, который больше ничего не обещал. Ещё недавно я гордился тем, что раскладываю всё по полочкам: смету, сроки, даже спор с подрядчиком — всё по алгоритму. Моя суперсила была в том, что я никогда не опаздывал и приносил документы в двух экземплярах. Сейчас это казалось нелепым: человек, который паниковал из-за лишней запятой в коммерческом предложении, сидел перед экраном, где три миллиона рублей превращались в ноль одним кликом.

И к этой точке меня привёл старый друг, который умел одним своим появлением стирать все мои «нельзя» и «не положено».

Шёл 2013-й год, доллар застыл на тридцати двух рублях — и всё равно будто дышал, полз вверх. Для меня эти цифры въедались в сознание: они задавали ритм всей работе. Два года в фирме по вентиляции стали моими лучшими годами. Я уже не просто принимал звонки — я корректировал проекты, сводил людей, ускорял согласования. Коллеги кивали, начальство безоговорочно доверяло: «Сделай так, как считаешь нужным». Я был на своём месте — и вот эта стабильность начала давить. Рутинка стирала всё острое. Хотелось снова почувствовать азарт: когда собираешь проект по винтику и понимаешь, что, если хоть один не подойдёт, всё развалится.

В тот день в кафе напротив офиса появился Роман. Его небрежно брошенная на спинку стула куртка казалась вызовом всей моей упорядоченной жизни.

— Слушай, у меня тут одна тема есть, — прошептал он, наклоняясь ко мне ближе. В его глазах вспыхнул знакомый огонёк: азарт и абсолютная уверенность, что сейчас всё получится. Его «темы» всегда звучали как авантурные романы, где один герой обязательно садится в лужу, а второй выходит сухим — и ещё с почестями. И каждый раз я надеялся, что на этот раз мы оба выйдем сухими.

— Необычная схема, которая может принести нам хороший выхлоп. Нужно всего-то чуть-чуть подбросить, чисто чтобы колесо закрутилось. Дальше всё само покатит — я уже делал, — и он показал узкую щель двумя пальцами.

— И какой размер этого «чуть-чуть»? — скептически спросил я, отпивая горячий американо.

— Да копейки. Чисто чтобы запустить процесс, — отмахнулся он с улыбкой. — Главное — идея, а идея у меня есть, и ты со своим опытом идеально подходишь. Всё просчитаешь, а я дам движение.

Роман будто прочитал мои сомнения.

— Ты ведь всегда любил сложные задачи, — тихо сказал он. — Сначала кажется, что ничего не выйдет, а потом собираешь всё по винтику — и оно не только работает, но и приносит серьёзный бонус.

— Это не задачи, а деньги. Причём мои деньги, — возразил я.

— Именно поэтому ты и нужен, — настаивал он.

И я вдруг понял, что спорить больше не хочется. Не ради денег, не ради азарта — а чтобы доказать себе, что я способен выйти за пределы аккуратных папок и двух экземпляров документов. Может, это и есть шанс?

— Расскажи подробнее, — наконец произнёс я. — Только факты.

Роман широко улыбнулся — будто уже знал, что победил.

Он начал рассказывать, а я уже знал, что не смогу его остановить. И, хуже того, не хотел.

Роман.

Роман не просто друг — он ураган, который врывается в серые будни и зажигал их, как фейерверк. Он выжимал из каждого дня всё, будто завтра не существовало. То строил планы покорить музыкальный мир, то вдруг предлагал схему, по которой мы должны были стать миллионерами за одну ночь. В каждой его идее был привкус риска и я практически в них никогда не верил. А что я мог ему противопоставить? Свою обычную рутину, где каждый день похож на предыдущий, как две капли воды. Но сколько бы я ни сомневался в его идеях, я всегда оставался рядом. Потому что Роман — мой друг. И потому что где-то внутри я всё-таки надеялся, что этот ураган однажды унесёт меня туда, где жизнь станет настоящей.

Провоторов.

Владелец заводов, газет, пароходов.

До сих пор не могу точно сказать, что именно толкнуло меня на эту авантюру. То ли манила интрига, то ли соблазняло обещание лёгких денег, а может, просто надоела рутина, которая день за днём стирала из жизни все острые углы.

В тот день я отпрашился с работы под каким-то нелепым предлогом — вроде бы «семейные обстоятельства», хотя в глазах начальника, наверное, читалось: «Опять что-то задумал». Взяв пачку приготовленных наливных, я помчался в центр Москвы. Роман ждал меня в модном кафе — в таком, где воздух был пропитан запахом дорогого кофе и ещё более дорогих духов, а посетители говорили вполголоса, будто каждое слово стоило отдельной статьи расходов.

Когда я вошёл, Роман уже сидел за столиком у окна. Рядом с ним — незнакомый мужчина, худощавый, будто вытянутый из тени. Он скользнул по мне взглядом — коротко, без любопытства, как по инвентарю.

— Знакомся, — кивнул Роман, чуть отодвигая чашку. — Это Александр Провоторов. Александр коротко наклонил голову, не протягивая руки.

— Александр, — тихо повторил он, будто проверяя, как звучит его имя в этом месте.

Я сел, чувствуя, как от его неподвижности в воздухе становится холоднее. Улыбка у него была редкая: обнажала вставные зубы и заставляла невольно отступить на полшага.

— Приятно, — выдавил я, хотя приятного было мало.

Роман пояснил, что Александр — это человек, на котором «числились» фирмы. Не просто фирмы, а целый десяток «однодневок», где он одновременно выступал и директором, и учредителем. Звучало это как начало какого-то криминального триллера, но Роман уверял, что всё законно. Ну, или почти законно.

Роман расплылся в улыбке, будто мы собрались не обсуждать сомнительные дела, а праздновать чей-то день рождения.

— Саня у нас человек золотой, — сказал он, понизив голос.

Я моргнул, пытаясь уложить в голове, что значит «Золотой человек?»

— И что с ним делать? — спросил я, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал как обвинение.

Роман ударил ладонью по столу, как будто ставил точку. — Всё пойдём, сейчас ещё раз объясню.

— Мы будем проверять остатки по счетам. Саня будет ходить со мной в банки. За каждый визит — полторы тысячи. Я уже с ним сторговался.

Я сжал зубы. Полторы тысячи за каждый визит. Много ли их будет?

— Ладно, — пробормотал я. — Пусть будет так.

Охота за цифрами.

Дело пошло. Мы с Ромой начали свою «охоту». Перед нами лежал внушительный список фирм, возглавляемых Александром, и теперь по каждой из них мы заказывали список открытых счетов. Десяток названий, каждое из которых, казалось, скрывало за собой свою, никому не ведомую историю.

Это было похоже на детективную игру, где каждая новая информация приближала нас к цели. Роман с Александром, как опытные игроки, заходили в банк, предъявляли паспорт Александра и ИНН фирмы, и им, без лишних вопросов, предоставляли остаток по счёту. Ведь

Александр Провоторов был и директором, и учредителем. Для банковской системы он был единственным и неоспоримым хозяином этих фирм.

Однажды, выйдя из очередного отделения, Роман резко хлопнул меня по плечу, как будто мы только что выиграли раунд. — Ну что, видел? На одной — двести тысяч. На другой — ноль. Но это только начало.

Я смотрел на список, где напротив названий фирм в моём воображении появлялись всё новые и новые цифры, и чувствовал, как внутри борются два чувства: надежда и тревога. Надежда, казалось, пыталась перекрыть тревогу, но тревога была громче. — А если везде будет ноль? — спросил я тихо, чтобы не услышал Провоторов, который стоял чуть поодаль и изучал экран телефона с таким видом, будто всё это его вообще не касается.

Роман фыркнул. — Двести тысяч мы уже видели и ещё выстрелит обязательно. Главное — не сдаваться.

Океан нулей.

Остатки по счетам везде были разные. Где-то — скромные суммы, где-то побольше. Мы методично просматривали каждую фирму, каждый счет в поисках того самого, максимального остатка. Это было похоже на поиск золотой жилы в океане информации.

Каждая фирма, каждый новый счёт вызывали в нас то вспышку надежды, то горькое разочарование. Но мы не сдавались. Ведь где-то там, среди бесчисленных фирм и счетов, скрывались миллионы, которые мы искали.

В кафе пахло подгоревшим молоком и дешёвым сиропом. Я смотрел на стакан с остывшим латте, на тёмную плёнку поверх него и думал: мы платим полторы тысячи за каждый визит, а взамен получаем ноль. Снова ноль. И ещё один ноль. Как будто кто-то специально подкидывал нам эти цифры, чтобы проверить, сколько мы готовы терпеть.

Роман, напротив, будто не замечал провалов. Он щёлкал пальцами по столу, как по клавишам, и бормотал: «Где-то есть. Обязательно есть».

— Ты в это правда веришь? — спросил я. — Я верю в то, что не бывает везде ноль, — отрезал он. — Если есть фирма, есть счёт. Если есть счёт, есть остаток. Даже если он три рубля.

Я не стал спорить. Спорить с ним в такие минуты было всё равно что спорить с ураганом. Проще было просто держаться рядом и надеяться, что не сдует.

Когда Роман ушёл, вечер будто сразу стал тише. Провоторов уже застёгивал куртку, собираясь домой, а я всё медлил, цепляясь за последние минуты, когда можно было спросить то, что давно вертелось на языке. У выхода я его остановил.

— Саш... — голос прозвучал неловко. — Зачем тебе всё это? Эти банки, эти остатки...

В голове крутилось: он ведь не знает, что мы затеяли? Или знает, но делает вид, что нет?

Александр замер. Его взгляд скользнул по моему лицу, словно он пытался прочитать между строк. Пауза затянулась. Наконец он чуть дёрнул плечом.

— Где-то платят, где-то нет, — сказал он устало. — Жизнь такая: где платят, там и держусь.

Эти слова повисли в воздухе. Я стоял и думал, как странно устроена эта логика: простая, почти грубая, но в ней была своя железная честность. Может и правда дело в деньгах и именно в этом умении — оказаться там, где сейчас платят. Пусть даже «там» с каждым днём становилось всё более сомнительным местом, где «можно» и «нельзя» сливались в одну мутную линию.

«Банк 24.ру».

Третий день поисков тянулся бесконечно. Пустота: то абсолютный ноль, то жалкие крохи — Роман презрительно отмахивался:

— Неинтересно. Это даже не разминка.

Мы шли дальше, ведомые неутолимой жадой миллионов. И вот — удача.

Мы проверяли счёт ООО «ОПТСТРОЙТОРГ» в банке «Банк 24.ру» рядом с метро Маяковская. Остаток — более миллиона. В ушах прозвенело.

— Это оно, — прошептал Роман.

Он с силой шлёпнул меня по плечу, и этот жест был настолько заряжен энергией, что, казалось, он готов был взлететь.

— То, что мы искали.

Это был интернет-банк, у которого был всего один офис в Москве. Нужен был оттиск печати. Или, как он быстро сообразил, можно было ввести свою печать в банковскую карточку.

— Значит, делаем новую банковскую карточку, — решил Роман, уже мысленно опережая события.

Я сглотнул. Всё это звучало как сценарий приключенческого кино. Но отступить было уже некуда.

Изготовление карточки.

Я ещё не успел сообразить, что отсутствие печати — это серьёзная проблема, а Роман уже просчитывал маршрут и адрес. — Куда? — спросил я. — В двадцать седьмую налоговую, — бросил он, не отрываясь от карты на телефоне. — Банк затребовал уставные документы: ИНН, ОГРН, устав, приказ на директора. Мы, не раздумывая, двинулись в сторону метро. Роман, как полководец, командовал на ходу, а я всё пытался ухватить хоть одну мысль, чтобы унять дрожь в пальцах. — Почему в двадцать седьмую? — выкрикнул я, пока мы почти бегом двигались к налоговой. Он на секунду оторвался от экрана: — Номер налоговой привязан к ИНН фирмы. Всё просто.

Мы влетели в налоговую, и там была небольшая живая очередь. Пока стояли, Роман написал от руки заявления на получение всех трёх документов, попутно оплатив государственную пошлину. Я отсчитывал купюры и думал, что мы сжигаем деньги ради бумажек, которые будут готовы только завтра. Когда подали заявления и получили подтверждения, я снова занервничал. — Точно получится? Не спустим ли мы часть моей зарплаты с нулевым результатом? — спросил я, глядя, как деньги снова утекают. Роман только коротко кивнул: — Считай, миллион уже в кармане!

Я сказал, что постоянно отсутствовать мне нельзя. Он понял мою озабоченность и спокойно пообещал: — Я всё получу без тебя. Сделаю печать и приказ на директора. Только сразу дай оплату для Александра и на печать. Я отсчитал купюры, чувствуя, как с каждой бумажкой уходит не просто наличность, а часть той самой спокойной, предсказуемой жизни, которую я так старательно выстраивал.

На следующий день он позвонил после обеда и велел сразу подъезжать к банку. Документы в налоговой уже были получены, и теперь они стремительно ехали туда. Я ждал у входа, всё ещё сомневаясь, что что-то получится. Они с Александром вошли в банк с полной уверенностью, а я остался снаружи, будто лишний.

Я постоянно мешал Роману, названивая ему, пока они были в банке. Они меняли банковскую карточку, выпускали новую корпоративную карту и оформляли флешку для управления счётом. — Ну что, Ром, как дела? — постоянно названивал я. Роман совершенно спокойно отвечал: — Доделываем. Сейчас выйдем.

Когда они наконец появились, Роман буквально сверкал. Он был полон тех чувств, которые испытывает капитан, взявший чужой корабль на абордаж. Я тоже был поражён, с какой лёгкостью нам удалось заполучить управление счётом, на котором лежал миллион рублей. Теперь его оставалось только получить. Отблагодарив в очередной раз мы отпустили Александра. Не

теряя темпа нашей погони за деньгами, мы активировали корпоративную карту, установив максимальный лимит. Роман потёр ладони, будто собирался разогреть их перед чем-то грандиозным. — Ну что, погнали? Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси страха и азарта.

Охота за наличкой.

Роман, словно заправский грабитель, подходил к каждому банкомату и выгребал ровно по десять тысяч — будто по шаблону, минута в минуту. Лимит был жёстко установлен требованиями банка «Банк 24.ру» к корпоративной карте. Дальше путь лежал к банкоматам других банков — к тем, с которых ещё не снимали.

Мы срывались с места сразу после выдачи купюр — будто каждая лишняя секунда могла всё обрушить. Я всё время косился на камеры под потолком, на охранников у входов, на случайных прохожих, которые вдруг казались слишком внимательными. Для них мы были просто двое парней, снимающих деньги, но для меня каждый взгляд ощущался как прицел.

Мы сняли около 300 тысяч — и эта цифра уже не казалась огромной. Каждый подход к банкомату сливался в один и тот же короткий ритуал: карточка, пин, «10 000», забрать деньги. Роман действовал на автомате, и в какой-то момент просто забыл пачку на лотке. — Ром, стой! — я схватил купюры, пока их не унёс сквозняк. — Ты оставил.

Он обернулся и рассмеялся — легко, почти беззаботно, будто мы не стояли посреди города с кучей наличных, а просто играли в какую-то весёлую игру.

— Чёрт, голова кругом. Я уже потерялся: где взял, где ещё не был...

Я сунул пачку в сумку и на секунду замер: в паре метров от нас охранник неторопливо поправил рацию и скользнул взглядом по залу. Мне показалось, что он задержался на нас чуть дольше, чем нужно.

— Ром, давай быстрее, — процедил я.

Роман только махнул рукой: — Да всё нормально. Мы никому не нужны.

Когда проверили остаток, оказалось, что счёт пополнился. Ещё три миллиона.

Я присвистнул: — Так мы будем снимать неделю, если не больше.

Роман прищурился, будто уже видел, как эти деньги превращаются в рестораны и курорты. А я пытался понять, в какой именно момент мы перешли черту, за которой назад уже не вернуться. Когда стало ясно, что снимать по 10 тысяч — это недели беготни, мы начали искать способ получить всё сразу.

План с Продаем.

Я позвонил Николаю. Он взял трубку почти мгновенно — будто сидел с телефоном в руке и ждал. Николай Продай, мой старый друг и финансовый директор сразу в нескольких фирмах, неофициально «решал вопросы» с наличкой. И сейчас от его ответа зависело, сможем ли мы вообще двигаться дальше или так и останемся крутиться в этом замкнутом круге.

— Три процента, — сразу перешёл он к делу. — Деньги будут через два-три дня, всё наличными, мелкими купюрами. Без лишнего внимания.

Повернувшись к Роману, я выдохнул, сбрасывая напряжение, которое копилось с каждым подходом к банкомату: — Три процента. Отдаст наличными, через два-три дня.

Роман не стал переспрашивать, не стал торговаться. Он просто замер на секунду, будто взвешивая не слова, а саму возможность наконец вырваться из этой бесконечной беготни по банкоматам. Потом коротко кивнул:

— И мою долю тоже кидай ему. Главное, чтобы быстро.

И в этом «быстро» было столько усталости, что мне даже не пришлось ничего объяснять. Мы оба знали: ещё хоть пара-тройка дней этих десяти тысяч минута в минуту — и нас кто-нибудь заметит. Камеры, служба безопасности — кто-то обязательно обратит внимание на двух парней, которые будто по расписанию подходят к банкоматам и выгребают деньги день за днем в словно участвуя в гонке по снятию наличных во всех какие только есть банкоматах.

Оставался Александр. Он не задавал вопросов, не давал советов, просто делал то, что просили: стоял в очередях, подавал заявления. Каждый его визит стоил полторы тысячи — как будто мы покупали не помощь, а гарантию, что не застрянем на каком-нибудь пустяке.

Нам не хотелось выглядеть жлобами. И не только из-за совести: мы надеялись, что эти деньги позволят Александру смотреть на нас не как на работодателей, а как на людей, с которыми можно иметь дело. Может, ещё пригодится его помощь.

Мы пообещали ему триста тысяч. Когда озвучили сумму, он не вскинул голову, не расплылся в улыбке — просто чуть крепче сжал телефон в руке и буркнул:

— Ага. Мне на зубы надо. И брату....

В этих словах не было ни восторга, ни особой благодарности. Пока мы строили схемы, считали проценты и дрожали от азарта, у него были свои, совсем не героические проблемы. Для него это была просто работа. Ещё одна строчка в невидимом списке дел, где каждый поход в налоговую или банк давал ему средства на жизнь.

Роман хмыкнул и покосился на меня: — Вот и вся экономика, — сказал он, будто подводил черту под лекцией. — Кто-то стоит в очередях, кто-то берёт процент, а мы просто соединяем.

— Соединяем, — повторил я.

Он не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Пакеты с деньгами.

На следующий день деньги пришли снова — ещё три миллиона.

— Вот это да! — сказал Роман, глядя на экран ноутбука. — Переводи всё Николаю.

Я кивнул и быстро оформил платежное поручение на реквизиты, которые прислал Продай. Пальцы будто жили своей жизнью — сами находили кнопки, привычно перекидывая суммы, от которых раньше у меня бы дрожали руки.

Чуть позже мы встретились с Александром. Роман протянул ему пакет с тремястами тысячами: — Держи. Мы обещали.

Он взял пакет, не спеша, без лишних эмоций, и вдруг спросил:

— А карту корпоративную... можете мне отдать?

Мы с Романом переглянулись.

— Карту? Зачем? — уточнил Роман.

Александр пожал плечами:

— Да так. Мало ли.

Мы переглянулись ещё раз. ООО «ОПТСТРОЙТОРГ» мы считали закрытым вопросом, карта казалась уже бесполезной.

— Ладно, забирай, — махнул рукой Роман. — Всё равно теперь не нужна.

Александр коротко кивнул, убрал деньги и карту и, не прощаясь, пошёл прочь — будто и не было этой нашей совместной погони за деньгами.

Николай всегда держал слово и не тянул с расчётами. Я приехал к нему в центр Москвы, прямо на его рабочее место. Он молча кивнул на два больших целлофановых пакета на столе:

— Тут всё. Как договаривались.

Я не стал пересчитывать. Просто посмотрел ему в глаза. Он не отвёл взгляд.

— Если бы хотел кинуть — кинул бы, — подумал я.

Николай чуть усмехнулся:

— Пересчитывать будешь? Свои я уже вычел.

Я взял пакеты. Они оказались тяжелее, чем я ожидал, — будто в каждом была не просто наличка, а новый приговор, который я сам себе вынес. Тяжесть пакетов чувствовалась в каждом шаге. Я спустился в метро. Их шуршание звучало почти как голос: «Это твои деньги. Это реально». Я смотрел на людей вокруг и понимал, что уже не смогу быть одним из них. Кто-то листал ленту в телефоне, кто-то задремал, прислонившись к стеклу, — всё это теперь казалось каким-то далёким, чужим. Суммы перестали быть пугающими. Они стали холодным фактом: за этими цифрами пряталась новая реальность, в которой мне предстояло научиться жить. И она только начиналась.

В пакетах была и моя доля, и доля Романа. Он ждал меня в условленном месте, нервно поглядывая на часы. Когда я подошёл, он выдохнул:

— Ну? Всё нормально?

Я кивнул, чувствуя, как тяжесть пакетов будто передаётся рукам:

— Да. Всё нормально. Он вычел три процента как договаривались.

Мы отошли в сторону, туда, где не было прохожих, где можно было на пару минут выпасть из городской суеты. Разложили пачки на скамейке — не для театральности, а просто потому, что иначе не получалось. И начали пересчитывать. Купюры были мелкие, их было много, пальцы быстро уставали, но мы не торопились: в таких делах спешка — первый враг.

Когда закончили, разделили ровно пополам.

Конец доступа.

Через два-три дня Роман позвонил, когда я сидел в офисе — на своём рабочем месте, будто у меня и правда когда-то была нормальная работа. За окном моросил дождь, по стеклу ползли мутные потёки, а на столе передо мной тускло светился экран рабочего компа. Всё выглядело до абсурда обыденно: чашка остывшего кофе, стопка бумаг, календарь с давно прошедшими датами.

— Ты в банк-клиент заходил? — выпалил Рома вместо приветствия. Голос был не взвинченный, а какой-то странно ровный, будто он уже всё понял и теперь просто проверял, знаю ли я.

— Нет, — ответил я. — Сейчас зайду.

Я открыл банк-клиент и замер. На экране жирными цифрами горели три миллиона.

— Я только что звонил в банк, — сказал Роман. — Скорее от скуки, чем ждал чего-то. А там — три миллиона. Давай кидай Коле.

Он выдохнул — не с облегчением, а так, будто сбрасывал лишний воздух, чтобы не сорваться.

Я вставил флешку, зашел в банк-клиент и потянулся сделать платёжку, привычно щёлкнул по кнопке. Но система не дала продолжить. Всплыло короткое, сухое уведомление: «Доступ к операциям по счёту ограничен».

Внутри всё оборвалось, но пальцы ещё на автомате пробовали другие варианты — как будто, если нажать чуть иначе, всё вдруг заработает. Не работало.

— Вот же козёл, — выдавил я, сжимая зубы. — Он нам доступ к счёту ограничил. Вот это да. И теперь, походу, собирается снять их по корпоративной карте.

В офисе вдруг стало слишком тихо. Даже привычный гул города за окном будто приглушился, и остались только наши голоса в трубке да этот равнодушный экран, который больше ничего нам не обещал.

— Где ты сейчас? — спросил Роман.

— В офисе, — ответил я, оглядываясь по сторонам, будто в этой комнате могли найтись какие-то подсказки. — Сижу тут.

— Оставайся там. Я подъеду. Надо спокойно подумать, а не нестись куда-то сгоряча.

Но я-то знал, что «спокойно подумать» у него не получится. У него вообще не получалось спокойно, когда дело касалось денег и предательства.

Пока я ждал, я листал выписку: даты, суммы, строчки, которые ещё недавно были просто цифрами, теперь складывались в историю нашего поражения. И с каждой секундой становилось яснее: мы не просто потеряли доступ. Мы потеряли контроль. И самое горькое — мы сами его отдали в благодарность, в попытке не выглядеть жлобами. В надежде, что это поможет остаться в хороших отношениях.

Когда Рома подъехал, он даже не стал подниматься. Просто позвонил снизу:

— Спускайся. Надо поговорить. Прямо сейчас.

Я замер на секунду, глядя на пустой стул напротив, на стопку бумаг, на чашку остывшего кофе — на всё это нелепое подобие нормальной работы, которая была у меня до этого похода с ним.

— Что будем делать? , — сказал я. — Надо сначала понять, что вообще можно сделать. Может, в банк...?

— Нет, — отрезал он. — С нами там говорить никто не станет.

Снова повисла тишина — та самая, в которой слышно, как мир сдвигается с места. Я откинулся на спинку стула, и она скрипнула — этот звук прозвучал до нелепости буднично. Ещё недавно мы делили пачки на скамейке, радовались, что схема сработала, и думали, что теперь держим всё под контролем. А кто-то в это время спокойно, методично выдёргивал из-под нас опору — по кирпичику, чтобы мы не услышали треска.

Я вздохнул, хотя говорить уже не нужно было — он и так всё слышал по моему молчанию.

Схема, которая казалась такой умной, теперь выглядела как ловушка. И хуже всего было то, что мы сами шагнули в неё, улыбаясь, и ещё благодарили того, кто её расставил.

Я спускался к Роману и всё яснее представлял, как распахну дверь к Александру и прямо потребую ответов.

Не надо, — выдохнул Роман. — Не будем светиться. Нам и так достаточно.

Роман замер, потом медленно выдохнул, будто сбрасывая с плеч тяжёлую ношу.

Нам с тобой по три миллиона — уже больше, чем я когда-либо видел. Зато мы в тени и нам никто ничего не предъявит и предъявить не сможет.

Мы решили не светиться, и, как оказалось, это было правильное решение: позже я узнал, что к Александру приходили и те, кто реально стоял за счётом, и участковый — вопросы задавали жёсткие, без церемоний. Но Александр был не из тех, кого можно напугать или заставить отдать что-то.

А мы с Романом просто растворились в городе — не потому что стали невидимками, а потому что поняли: лучший способ остаться целыми — это не искать справедливости там, где её не бывает, и не пытаться вернуть то, что изначально строилось на зыбкой почве. Мы забрали своё и ушли. И в этом, как ни странно, тоже была своя победа — тихая, без фанфар. Не громкая и не красивая, но от этого не менее ценная.

Распутье.

Я сидел и перекачивал эти цифры в голове, будто они были не деньгами, а камнями — тяжёлыми, холодными, настоящими. В голове всё равно крутилось: нам с Романом чуть больше шести, Александр тоже не упустил куш. И от этих цифр становилось ещё холоднее: мы считали доли, как будто это было нормально.

Первое наше дело выстрелило так, что превзошло все мыслимые и немыслимые ожидания. И от этого становилось не столько радостно, сколько жутко: будто я шагнул за какую-то невидимую черту, за которой прежние правила уже не работают.

Моя среднемесячная зарплата на основной работе колебалась в районе тридцати–сорока тысяч рублей. Раньше эта цифра казалась мне вполне приличной: она позволяла сводить концы с концами, планировать отпуск раз в год, изредка баловать себя чем-то приятным. Я даже гордился, что умею жить по средствам, всё просчитывать, не залезать в долги. Теперь эти «средства» казались смешными. Но страшнее всего было не это. Страшнее было понимать, что я уже не смогу снова радоваться сорока тысячам, планировать отпуск «через год» и делать вид, что всё под контролем. Сейчас я стоял на распутье. Шаг влево — и можно потерять всё. Шаг вправо — и уже никогда не стать тем, кем был раньше. Роман смотрел на меня, будто ждал, что я сейчас скажу: «Всё, завязываем». Но я не сказал. Потому что не мог. — Ну, что думаешь? — спросил он. Я медленно выдохнул. — Думаю, что назад дороги нет, — сказал я. — Но я готов идти дальше. Даже если не знаю, куда.

Для тех, кому эта история интересна: если вам хочется узнать, чем всё обернулось, — дайте знать, и я расскажу дальше. Продолжение следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.